

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

69

Исследование рукописей
и ксилографов
Института народов Азии

В.В. Кушев

ДВА МУХАММАСА ИЗ СОБРАНИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО*

Очень немногие востоковеды в России и Европе до В.А. Жуковского интересовались персидским народным творчеством. В 1842 г. А. Ходько впервые издал народные стихотворения¹, но — по техническим и иным причинам — только в английском переводе; в подлиннике (в арабской графике и латинской транскрипции) были опубликованы лишь произведения, записанные в прикаспийских провинциях Ирана. В 1853 г. И.Н. Березин издал поэтические образцы талышского, гилянского и мазендеранского фольклора², часть которых была заимствована из книги А. Ходько.

В.А. Жуковский был первым ученым, собравшим большое количество произведений народного творчества разных жанров на персидском языке и изучавшим их язык, форму и содержание. Результатами этой работы явились книги «Материалы для изучения персидских наречий» (часть I, СПб., 1888) и «Образцы персидского народного творчества» (СПб., 1902).

Жуковский готовил также издание и перевод сборника народных стихотворений «Маджма'от-таcнифât» (جمع التصانیف), хранящегося в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде (коллекция Н. Ханькова, № 52). Весь сборник, содержащий таснифы из разных городов Ирана, был переписан Жуковским, часть сборника переведена им; список и переводы находятся в архиве ученого³.

---

* Доклад, прочитанный 7 мая 1958 г. на объединенном заседании ученых советов Восточного факультета ЛГУ и Института востоковедения АН СССР, посвященном столетию со дня рождения проф. Валентина Алексеевича Жуковского.

¹ A. Chodzko, *Specimens of the popular poetry of Persia*, London, 1842.

² E. Beresine, *Recherches sur les dialects persans*, Casan, 1853.

³ О сборнике см. «*Mélanges asiatiques*», V, pp. 243 и 414, о работе над ним Жуковского — «Образцы персидского народного творчества», СПб., 1902, стр. III, сноска I (далее — Образцы...) и «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. 25, стр. 410 и 418.

В «Образцах персидского народного творчества» особое внимание Жуковский уделил таснифам на злобу дня; он подчеркнул значение народных стихотворений на политические темы — произведений, в которых звучат гражданские мотивы, отметил важность изучения политической сатиры, которая устно и в списках проникала во все уголки Ирана. «Такие злободневные таснифы, — писал Жуковский, — ... заслуживают полного внимания и имеют глубокий исторический интерес и значение...»⁴.

И в дальнейшем В.А. Жуковский продолжал интересоваться этим жанром народной литературы. На заседании Восточного отделения Русского археологического общества 20 ноября 1903 г. он прочитал доклад «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях». Докладчик рассказал о появлении в Персии таких литературных произведений, которые изображали действительность правдиво, без всяких прикрас, в противоположность периодической печати. Для будущего историка Персии, по мнению Жуковского, эти памятники дали бы весьма ценный материал; вот почему отыскивание таких памятников представляется благодарной задачей для лиц, по их служебному положению находящихся в Персии. В этом же докладе были представлены образцы таких произведений, полученных из Мешхеда и Исфাহана⁵.

К такого рода произведениям принадлежат и хранящиеся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР два стихотворения из коллекции В.А. Жуковского (шифр А 878), рассказывающие о восстании в Исфahanе (1909) — эпизоде иранской революции, развернувшейся под влиянием русской революции 1905 г. и явившейся одним из крупнейших антиимпериалистических и антифеодальных народных движений в странах Востока.

Об этой рукописи имеется следующая запись в составленном Ф.А. Розенбергом «Списке мусульманских рукописей, поступивших в Азиатский музей в первой половине 1919 г. Собрание В.А. Жуковского...»: «**يادگار و تحفه اصفيان**. Стихи в честь В.А. Жуковского по случаю его отъезда из Исфahanа, заказанные консулом В.П. Никитиным поэту **محمد علي الانصاري**, ۱۳۲۷، с унваном и позолотой; переплет бархатный, 8⁰ min»⁶.

Однако ознакомление с содержанием рукописи показывает, что это стихи о восстании в Исфahanе. Рукопись датирована 10 раджаба 1327 (не 1337) г.х., т.е. стихи записаны через полгода после этого события. Из ко-

⁴ В.А. Жуковский, Образцы..., стр. 5.

⁵ ЗВОРАО, т. XVI, 1904, стр. XVI.

⁶ «Известия РАН», 1919, стр. 486.

лофона рукописи явствует, что Мохаммад Али аль-Ансари всего лишь переписчик, а не автор стихов. Стихи не могли быть сочинены в связи с отъездом Жуковского из Исфахана: подаренный ему экземпляр написан в 1909 г., а Жуковский не был в Иране после 1899 г. Рукопись, как указывает переписчик, была только заказана для него консулом В.П. Никитиным. Наконец, **بعنوان یادگار و تحفه اصفهان** — не название рукописи: слова **و تحفه اصفهان**, в конце колофона означают «на память об Исфахане». Настоящее же заглавие **یادگار معذل الهالی** приводится в верху второй страницы фронтисписа.

Рукопись содержит мухаммас, состоящий из 47 пятистиший, и мустазад, построенный в форме мухаммаса и имеющий 16 строф.

Оба произведения — живой и непосредственный отклик народа на революционные события в Исфахане, и следует полагать, что это и побудило консула В.П. Никитина послать их в Петербург В.А. Жуковскому, который живо интересовался этим жанром народного литературного творчества.

Тема этих стихотворений — выступление народа против угнетения, грабежа и произвола властей — была близка Жуковскому. Достаточно, например, вспомнить его слова из упоминавшегося уже доклада: «...Картины не новые: взяточничество, полный произвол разнузданного правительства, прогрессирующий в зависимости от ступени, на которой находится народный вопль от тягостей. Картины, известные всем, непосредственно соприкасавшимся с Персией или читавшим путешествия, но не персидским периодическим изданиям, выбрасываемым на персидский рынок. Тут все благополучно: справедливость шаха, изобилие плодов земных, времена мира и благополучия и молитвы — можно подумать, что в раю. Картины не новы — ново (и то относительно) отражение в литературных произведениях, шире или уже рисующих действительность, отвечающих на самые разнообразные запросы и злобы дня»⁷.

Авторы стихотворений передают события, очевидцами, а, может быть, и участниками которых они были. Разумеется, нельзя требовать от них точного изложения фактов, однако стихи живо и ярко изображают события, передавая некоторые характерные подробности, отсутствующие во многих сочинениях, непосредственно касающихся иранской революции⁸.

Стихи посвящены событиям, краткий обзор которых приводится ниже.

⁷ В.В. Бартольд, Памяти Жуковского, ЗВОРАО, т. 25, стр. 414.

⁸ См., например: E. Browne, *The Persian revolution of 1905-1909*, Cambridge, 1910, p. 266, 267; В. Берар, Персия и персидская смута, СПб., 1912, стр. 123; Г.В. Шитов, Персия под властью последних каджаров, Л., 1933, стр. 117, 118; М.С. Иванов, Очерк истории Ирана, М., 1952, стр. 231, 236 и др.

Для составления обзора были использованы сочинения, основанные на документах, мемуары и т.д.⁹

С самого начала революции 1905-1911 гг. жители Исфахана участвовали в демократическом движении. Они создали свой энджомен, а когда конституции и меджлису стала грозить опасность, они обучили многотысячное войско, чтобы послать его в Тегеран для защиты меджлиса и низложения Мохаммад Али-шаха. Известия о табризском восстании вызвали новый революционный подъем, но наличие сильного гарнизона сковывало исфаханцев.

После роспуска меджлиса в июне 1908 г. Мохаммад Али-шах назначил во все важнейшие районы страны новых губернаторов, известных реакционеров. В Исфахан был назначен губернатором Эгбал од-Доуле Кашани, ярый сторонник шаха, один из зачинщиков событий на площади Тупхане в Тегеране; вице-губернатором — Моаддель оль-Мамалек Ширази.

В это время исфаханский энджомен, во главе которого стоял Хаджи-ага Нуrolла, работал в подполье, готовя население города и окрестностей к восстанию. Нуrolла встретился с вернувшимся из Европы Сардаром Асадом и договорился о союзе с бахтиарами. Под руководством тайного энджомена проходили собрания, митинги, забастовки, нередко заканчивавшиеся вооруженными столкновениями с войсками. Пользуясь обстановкой, губернатор и его приближенные занимались поборами и грабежом, взыскивая налоги и подати в таких размерах, что за короткий срок собрали денег и зерна больше, чем составляла сумма налогов за несколько лет. Бросали в тюрьмы конституционалистов и заодно, по обвинению в конституционализме, многих состоятельных граждан.

28 декабря торговцы и крестьяне избили пьяных солдат, бесчинствовавших на базаре, закрыли лавки и укрылись в Шахской мечети. Имевшие оружие укрепились на возвышенных местах и открыли стрельбу по правительственным зданиям. 1 января развернулось настоящее сражение. Восставшие отбили атаку солдат против Шахской мечети. Солдаты из полка Джалала (сына Зелль ос-Сольтана) разграбили базары. Шахская мечеть подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. Утром 2 января в районе боев появился отряд бахтиаров во главе с ханом Заргам ос-Сальтане. Это быстро решило исход боя в пользу восставших. Сын хана Абу-ль-Гасем меткими

⁹ М.С. Иванов, Иранская революция 1905-1911 гг., М., 1957, стр. 340-342;

مودى ملكزاده - تاريخ انقلاب مشروطيت ايران، تهران، جلد پنجم، ص ۱۹۰-۱۸۱؛
 نور الله دانشور علوى - تاريخ مشروطه ايران و جنبش وطن پرستان اصفهان
 و بختيارى، تهران، ۱۳۳۰، ص ۴۷-۱۰ و حواشى؛ احمد كسروى تبريزى - تاريخ مشروطه
 ايران، جلد دوم، تاريخ هيجده ساله آذربايجان تهران، ۱۳۳۴، ص ۴-۱
 و др.

выстрелами перебил артиллеристов. Солдаты Джалала и конники-асанлы бежали. 3 января гулямы, малайрские и силахурские солдаты сдали арк, казармы, арсенал; сдались и казаки. Губернатор укрылся в английском консульстве. 4 января в город вступил отряд хана Самсам ос-Сальтаны. Были разбиты и выброшены из города остатки правительственных войск, в городе восстановился порядок. В тот же вечер была устроена иллюминация. Самсам с-Сальтаны объявил о создании в Исфахане временного энджомена вилайета, но фактически правителем стал сам бахтиарский хан, демагогически объявивший себя сторонником конституции, идея восстановления которой пользовалась большой популярностью у исфаханцев.

В годы революции политические памфлеты получили особое распространение. Стихи, прославлявшие конституцию, не только читались в различных собраниях, но печатались в газетах и на листовках¹⁰, часто принадлежали

¹⁰ В числе книг В.А. Жуковского, находившихся в Учебном отделении МИД, а ныне принадлежащих библиотеке Ленинградского отделения Института народов Азии, имеется литографированное издание этих стихотворений. Это нечто вроде брошюры или листовки; бумага и печать очень плохого качества, местами текст совершенно неразборчив. По-видимому, переписчик Мохаммад Али аль-Ансари имел перед собой именно это «издание»: все плохо отпечатанные места он передал по-своему, не разобрав и многого из того, что можно было разобрать. Литография, следовательно, была напечатана в первой половине 1909 г. И в рукописи, и в литографии говорится, что автором мустазада был неизвестный студент, ограбленный во время описываемых событий; имя автора мухаммаса приводится только в литографии как молла Мокаррам Хабибабади, а само сочинение названо **کتاب فتح یادگار معدّل** или

کتاب فتح المجاهدین В библиотеке Ленинградского отделения Института народов Азии есть еще несколько листовок, описывающих те же события. Все они изданы в 1909 г., по-видимому, в Исфахане. Это стихотворение неизвестного автора **فخر المجاهدین**, сборник стихотворений Сейида Исфахани и Атаи **کتاب فتح رجا الناکلین** или **اشعار مشروطه**, и газель неизвестного поэта **رجا الناکلین**.

В Ленинградском отделении Института народов Азии имеется еще одна рукопись (шифр А 880) из собрания В.А. Жуковского (запись под номером 19 в «Списке» Ф.А. Розенберга тоже неверна) содержащая стихи о конституции и переписанная тем же Мохаммадом Али аль-Ансари. В ней два таснифа и три рубаи, рассказывающие о победе бахтиарских ханов в Исфахане в январе 1909 г. и о походе в Тегеран. Первый тасниф (в форме мухаммаса) отражает настроения монархистов; его автор поносит ханов Самсама, Заргама и Абу-ль-Гасема. Два рубаи направлены против Нури (видимо, шейх Нурулла) и одно восхваляет шаха Мохаммада Али. Автор второго таснифа (в форме газели), по-видимому, конституционалист; в таснифе одобряются действия сторонников конституции не только в самом Исфахане, но и в Азербайджане и Гиляне.

перу крупных поэтов. Стихи того периода были тесно связаны с повседневной жизнью страны и народа, в них подмечены и изображены политические события во всей остроте и сложности их развития¹¹. «Они носили обычно характер памфлетов, сатиры на лица и события»¹², — справедливо отмечал А.А. Ромаскевич.

В 1914 г. Э. Броун опубликовал ряд стихотворных произведений на политические темы¹³. Эти стихи печатались главным образом в газетах «Сур-е Эсрафиль» и «Насим-е шемаль»; в газете «Насим-е шемаль» работал Ашраф Гиляни, написавший несколько мухаммасов и мустазадов, посвященных в основном революционным событиям на севере Ирана. В годы революции в самом Исфахане начал публиковать свои стихи ныне известный поэт и ученый Вахид Дастгярди¹⁴. Цикл его стихов «Бахтиарь», посвященный исфаханскому восстанию, был тогда же и напечатан; то были первые печатные стихи поэта. Позднее он написал таркиббанды «Эгбаль и Моаддель» и «Послание Исфаханя». Первый из них, написанный перед восстанием, сыграл большую роль в деле привлечения на сторону конституции шейха Мохаммада Таги (Ага Неджефи), который помог установлению союза с бахтиарами. Второй таркиббанд, острый политический памфлет, автор прочитал руководителю восстания шейху Нурулла и хану Заргам ос-Сальтане. Кроме того, Дастгярди принадлежит стихотворение «Добро пожаловать», посвященное приходу в Исфахан отряда Абу-ль-Гасема.

К литературе такого рода и относятся два стихотворения из собрания В.А. Жуковского. Они, несомненно, представляют интерес не только как исторический источник: эти два мухаммаса отражают важный и малоизученный этап развития персидской литературы нового времени. Интересны они и тем, что в них отражено отношение авторов — представителей революционно настроенного населения, а может быть, и участников революционной борьбы — к событиям и участвовавшим в них лицам. При этом вспоминаются слова Жуковского: «В них (таснифах. — В.К.) находит себе отражение, чаще всего с оттенком насмешки и нередко в вольных, даже грязных словах, народный взгляд на смену губернаторов, похождения вельмож, ка-

¹¹ См. J. Rypka, *Dějiny perské a tadžické literatury*, Praha, 1956, str. 271.

¹² А.А. Ромаскевич, *Литературное движение в современной Персии, — «Востоку», кн. 2, Л., 1923, стр. 99.*

¹³ E.G. Browne, *Press and poetry of modern Persia*, Cambridge, 1914.

¹⁴ См. *وحید دستگردی - ره آورد وحید، تهران ۱۳۰۷ (ش)*.

рательные меры полиции и пр.¹⁵. В свое время эти стихотворения, вероятно, сыграли немалую роль в распространении революционных настроений.

Мухаммас

1. Когда тиран Эгбаль приехал в Исфахан,
Он нарушил покой сердец.
Когда ради правления он устроил резиденцию в этом городе,
Его несправедливость и притеснения подействовали
даже на сердце камня.
Он надел одежду тирании, смятения и бунта.
2. Когда ради правления он вступил в этот город,
Его перо все время писало указы, вызывавшие смуты,
Он раскинул в городе шатер несправедливости и угнетения.
Он сразу нарушил положение всего мира.
Поистине, он поступал хуже жестокого притеснителя и тирана.
3. На должность вице-губернатора он назначил Моадделя,
Проклятого наиба, злосчастливого, с черной душой,
И безнравственного, и распутного, с грубыми манерами,
Деспотические приказы исходили от него племенам.
То он поклонялся Али, то Омару.
4. Много собрал штрафов с истца и с ответчика,
Каждый развратник и каждый распутник у него пировал,
Денно и ношно он совершал великие ошибки,
Ни один миг не поступал согласно благородным стихам
Корана.
Он не стеснялся и не почитал Мухаммада.
5. В тот день, когда Моаддель поселился во дворцах,
Вздых сердец угнетенных поднялся от земли к небосводу.
Прошло не больше недели, как он уселся в коляску,
Стал враждовать с Ходжжат оль-исламом¹⁶,
То он требовал серебра, то хотел золота.
6. Хитростью и обманом забрал имущество людей,
Все его приказы согласовались с хитростью и обманом,
Меч его тирании упал на головы,
Он спаивал скупых, алчных и жадных,
Зачем безгранично и безмерно притеснял он благочестивых
людей?

¹⁵ В.А. Жуковский, Образцы..., стр. 4.

¹⁶ Титул высшего духовного лица в Исфахане.

7. Сбориша у него стали центром игры на таре, флейте
и тамбуре,
Людам казалось, что они трубят в накур¹⁷.
То его занятием были пианино и клавикорды,
То его занятием было вино, то курение опиума,
То он обнимал безбородого юношу.
8. Открылись перед народом ворота тирании,
И много притеснений он чинил в этом городе.
Перед ним стояли несколько мальчиков,
Покой и отдых от него настал женскому полу,
Пока сукин сын преследовал мужской пол.
9. Он много угнетал мужчин и женщин,
Безгранично и бесконечно притеснял создания божьи,
Он спешил по пути несправедливости,
Его безбожие стало явным всем созданиям божьим.
Он стал врагом бога, а по его мнению, поступал доблестно.
10. Ходжжат оль-ислам написал ему много писем:
«О злосчатный тиран, о бесславный невежда,
У всех божьих созданий день из-за тебя превратился
в вечер,
Отдохни сам и мне дай покой,
Ибо твои притеснения и оскорбления вывели меня из
терпения».
11. Проклятый тиран не послал никакого ответа,
Много разоренья причинил народу.
Этот дурак, невежда, обжора и пьяница
Отвечал ему сотней гневных слов и упреков,
Содержание своего ответа составил из «если» и «разве».
12. Из-за него невинный оказался закованным в цепи;
Он отложил все веления бога,
Он намеренно выбросил все сочинения пророка.
То он охотится за охотником, то за дичью,
То ради забавы и развлечения отправляется в путешествие.
13. Носит с собой в ножнах меч тирании,
Стремится к издевательствам, склонен к обману,
У него быстрые решения против смут и волнений.

---

¹⁷ Труба, на которой, по религиозным представлениям, ангелы будут играть в последний день мира.

Малаирский солдат пусть идет убивать,

Солдат Джалала — грабить базар.

Тогда посмотрим, кто победил, кто одолел.

22. Поставьте на башню пушку, заряженную картечью,
Из нее огонь несправедливости полейте на народ,
Ни одного камня не оставьте от Шахской мечети,
С врагом постарайтесь, вплоть до того, что жизнь
отдайте.

Сегодня надо не шадить жизнью .

23. Вташили на башню пушку, заряженную картечью,
Закричал Эгбаль, и завопил Моаддель,
Пушка была направлена против Шахской мечети.
Гремела та пушка много и непрерывно,
Так что оглушила всех тем грохотом.
24. Сыпала снаряды налево и направо в народ,
Столько, сколько звезд на небосводе.
Забилась сердца женщин и мужчин.
Весь народ в слезах, а враг — с улыбкой.
Летели пули и каждое мгновение пролетали мимо ушей.
25. Полковник дал солдатам приказание:
«Теперь идите на базар грабить» .
Этот приказ исходил не от шаха и не от премьер-министра.
Они пошли и совершили преступления и нанесли убытки.
Когда шах давал своему войску приказ причинять ущерб?
26. В глазах шахиншаха Ирана, который всем шахам шах,
Весь мир подобен соломинке.
Он поклонник ислама, он защита ислама,
И этот шах, владыка мира, тому свидетель,
Что Эгбаль сам дал приказ к этому мятежу и бедствию,
27. Словом, покончили с тиранией,
Выполнили решение третейского суда.
Обесславили персидское царство.
Вдруг государь привез знамя —
Посмотри, что наделала судьба, что натворил рок.
28. Тот свирепый лев, тот, кого славят Заргамом¹⁸,
Лев истины, из-за которого день врага — вечер,
Поднял знамя, чтобы помочь исламу,
Напал на этот город, чтобы изгнать тирана.
Ради нашего спокойствия грудь сделал шитом.

¹⁸ Игра слов: заргам (*زرغام*) — лев.

29. С ним луры – столько, сколько упоминаний имени Али,
А именно – сто десять верных храбрецов.
Они сказали: Из любви к Али-льву, многократно
нападающему,
Мы сегодня покажем бой.
Каждый, кто победит, наверняка расколется луной».
30. Заняли укрепленные позиции в Шахской мечети.
Оказались против той шайки нечистых.
С обеих сторон сыпались пули многократно,
Раздались крики «хала» со стороны двух войск.
Посмотри, какую игру затеяла коварная судьба.
31. Тот львом Заргамом рожденный, бесподобный муж,
Бу-ль-Гасем со счастливой судьбой, гордость времени,
Беспрерывно стрелял по цели, по врагу.
Пули его образовали дугу в направлении врага,
Пули летели всюду, пока не попадали в голову.
32. Часть солдат отправилась в ад,
Все, кто остался, ушли с площади,
Бежали, подобно евреям.
Каждый, у кого на голове был виден знак отличия,
Шаровары свои в том бою замочил от страха.
33. Несколько пушкарей упали на землю.
Тела их разодраны выстрелами – возмездие за содеянное.
Та пушка, от которой шел грохот к нёбу,
Смокла, увяла, застыла, загрустила.
Эгбаль всю землю смочил слезами.
34. Тирани Эгбаль отправился в посольство,
Оставил богатства, дворец и дом.
Тирани-содомит ушел в унижении.
Ушлав след за ним основа порчи и злодейства.
Проявил ли он храбрость на море или на суше?
35. Вдруг пришло известие, что прибывает его высочество
Самсам,
Острый меч шариата, плод сада ислама.
Все люди увидели, как этот прекрасный кипарис
Вместе с всадниками и знаменитыми храбрецами
Остановился в Исфахане с большой пышностью и блеском.
36. Вместе с ним безграничное и бессчетное войско,
Хочешь узнать сколько – посмотри на звезды,
Все ждали приказов и указаний.
Острый меч шариата удалился от храбрых воинов,
Повесил на пояс меч с боевым клинком.

37. Его войско пленило всех врагов,
Так вино и чаша разбили кувшин,
Обратили в бегство буйное войско,
Все солдаты обратились в бегство.
И та ветвь, которую посадили, не дала ни листьев,
ни плодов.
38. Когда это волнение было устранено в местах боев,
Люди стали требовать справедливую конституцию.
Разбиты сердца тех, кто остался без родных, без
друзей и без крова,
Сказали Самсаму, что в городе Исфакхане
Надо бы снова надеть одежду конституции.
39. Благодаря сочувствию Самсама, который стал нашим
вождем,
Опять была установлена конституция ислама.
Всем гражданам стал сопутствовать божий свет;
Были излечены сердечные муки людей, видевших горе,
Когда вновь возвестил глашатай о конституции.
40. Конституция – покой для больной души и тела,
Конституция – препятствие на пути шайки злодеев,
Конституция стирает следы угнетения и притеснения,
Конституция признает исповедание единства бога.
Нельзя делать другие дела, кроме служения ей.
41. В городе Исфакхане верный друг нации ислама
Все время заботится о конституции.
О боже, владыка мира, всеведущий творец!
Все дни делай щедроты в его деле,
Потому что удивительно много он постарался.
42. Утром и вечером он распространяет закон пророка,
Дела постепенно им исправляются,
Его приказы и слова воодушевляют людей,
Каждый день его путь, судьба и счастье возвышаются,
Ибо он всех направил по пути стремлений.
43. Когда благородный Заргам входит в собрание,
Он старается все привести в порядок.
Хвала Аллаху, его устами говорит красноречие истины.
Во время выступлений во всех собраниях, всюду
Он наполнил арену и площадь речи жемчугом.
44. Острый меч шариата решительно идет на врага,
Когда дает приказ, люди послушны всей душой.
Весь народ перед ним в смиренности и покорности.

Ты бы сказал, он стал непревзойденным в хитрости и обмане,
Ты видел, как получилось?
Та кусачая собака, имя которой было Моаддель,
Тот тиран безбожник,
Сколько у него уловов в насилиях над великими,
Все слова его — брань.
Он ругал улемов, слабый перед исламом,
Не заботясь о последствиях.
Сколько он ни ссорился с божьим человеком, ничего не
добился —
Не достиг желаемого.
И был он отвергнут благородством проницательного.
Ты видел, как получилось?
Та малаирская толпа, подлое племя,
Таяшее злобу,
Та шайка, распутная и развратная
Внутренне и внешне,
В вине и блуде, воровстве и бесстыдных поступках,
Без завесы и покрова
В день рамазана совершающая великие грехи
На улицах.
Посмотри, какое возмездие пало на тех злодеев.
Ты видел, как получилось?
Та толпа Джалаля, которая два века подряд
Не видела горя,
Занимается воровством дни и ночи,
Ест недозволенную пищу.
Унесли имущество отовсюду, где было,
Все опустошив.
Не оставили людям, кроме пригоршни для семьи,
Ни имущества, ни положения.
Этот гнет был от той беспорядочной толпы.
'Ты видел, как получилось?
Какими безграничными и бессчетными стали притеснения
исфаханцев,
Положение изменилось.
Тирания Моадделя стала безмерной,
С каждым днем становилось хуже;
Имущество стало доступным, и кровь угнетенных лилась
безнаказанно,
Сердце кровью обливалось.

Вздохи бедняков понеслись к небесам,
Настало время рассвета,
Пока не перешли они от утренних вздохов к делу,
Ты видел, как получилось?
Когда людям пришлось туго из-за губернатора и солдат,
Казачков и содомитов,
Закрыли лавки и открыли двери Шахской мечети,
Собрались вместе единомышленники.
Все начали жаловаться на притеснения властей
Единогласно:
«О боже, воздай этому правителю-содомиту,
Содомиту и мужеложцу».

Пожаловались шаху на тех дурных от природы.
Ты видел, как получилось?
Так как шах не согласился отставить местное правительство,
Губернатор возликовал.
Во всех вопросах соглашался с мнением Моадделя,
Этого пустого нечестивца:
«Пусть нацелят на Шахскую мечеть пушку, заряженную шрапнелью,
Откроют стрельбу,
Сделают залп по толпе напротив
Из ученых и невежд!»

Это мнение было одобрено теми испорченными от природы.
Ты видел, как получилось?

В полдень дня арафе²⁰ угнетенный народ на площади
В смятенном состоянии
Одни пришли на молитву, другие – для жертвоприношения,
В повиновении богу.
Полковник дал приказ полку из Седе,
Тем немусульманам;
Дали залп, некоторые были убиты,
Многие ранены.
Была принята жертва от тех незаконнорожденных.
Ты видел, как получилось?
Он хотел погасить божий свет,
Светоч на пути веры,

---

²⁰ Девятый день месяца зу-ль-хиджжа (в 1326 г. соответствовал 2 января 1909 г.), день религиозного праздника с жертвоприношениями.

Подобно Абрахе²¹ разрушить нашу Каабу —
 Шахскую мечеть.
 Направил на Шахскую мечеть пушку жестокости,
 Возмущающую небеса,
 Разбил этим горем сердца чистых людей,
 Сердца улемов.
 Потом предсказание ласточки превратилось в луров²².
 Ты видел, как получилось?
 Солдаты и гулямы после большой стрельбы
 По людям мысли
 Поспешили грабить базар
 С крайними оскорблениями.
 Уносила благоприобретенные товары купцов
 Эта шайка распутников.
 Остались на базаре лишь двери да стены.
 Ни зерна, ни динара.
 Печаль людская поползла к небу.
 Ты видел, как получилось?
 Что мне сказать о том, что стало с медресе Садра?
 От объяснений сердце обольется кровью.
 Солдаты Джелала появились через двери и крышу,
 Стали грабителями душ.
 Стреляли и двоих ранили
 Из тех безвинных.
 Потекла кровь из тела равного сейида,
 Он застонал и закричал.
 Затем началось разграбление той ничтожной шайкой.
 Ты видел, как получилось?
 Стоны сердец угнетенных подействовали на Самсама,
 Снарядился в путь.
 Заргам высунул голову из леса конституции,
 Поехал в город.
 Удивительный Абу-ль-Гасем, сын Заргама, сделал грудь
 щитом,
 Пока не победил.
 В один миг он сбросил членов правительства,
 Некоторых отправил в ад.

²¹ Абраха Зу-ль-филь — полководец, осаждавший Мекку.

²² Персы предсказывают по полету птиц. Луры — бахтиары.

На такую победу посмотрел глаз назидания,
Ты видел, как получилось?
Солдаты падали на всех углах, как ничто,
Наместник и баши,
Кашанец-губернатор испачкал на себе шаровары,
Тот родом из Кашана,
Убежал и укрылся в доме консула,
Тайно, потихоньку.
Все члены правительства обратились в прах,
И текст, и примечания²³.

Тот презренный дом, железо той двери были уничтожены.
Ты видел, как получилось?
Та дрессированная собака, которая ела вместе с Эгбалем,
Шут Эгбала ;
То пальто-шаль на Эгбале,
На теле Эгбала;
Та серебряная звезда, супруга Эгбала,
Наложница Эгбала,
Тот охотничий сокол, что был на голове Эгбала,
Приносил куропаток Эгбалу –
Из-за слабости Эгбала стали долей других.
Ты видел, как получилось?
Когда для возмездия поднялась невидимая рука,
Кончилась эта печаль.
Появился Самсам – острый меч шарията,
Наступило прозрение,
В угнетенном теле появилась другая душа,
Пришло время победы.
Беда захватила злосчастных врасплох,
Когда пришло это известие.
Души отлетели от тел сыновей греха.
Ты видел, как получилось?

---

23 Т.е. и они сами, и их приспешники.